

ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА HISTORY OF LAW AND STATE

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-26-32
УДК 340

Дата: поступления статьи / Submitted: 11.08.2020
после рецензирования / Revised: 12.09.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

Р. В. Фоменко

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: fomenkorv@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ РЕФОРМ 50-Х ГОДОВ XVI В. КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются предпосылки осуществления, характер и значение институциональных мер противодействия коррупции на уровне местного управления в России в ходе реформ 50-х годов XVI в. Поднимаются проблемы эволюционного развития или целенаправленного создания новых способов сочетания на местном уровне публичных и частных интересов, взаимозаменяемости и взаимодополняемости разных форм государственного управления, губного и земского самоуправления. В статье показано, что в поисках возможностей противодействия злоупотреблениям со стороны кормленщиков центральная власть наделяет широкими полномочиями органы губного и земского самоуправления. Но полностью отказаться от наместничьей системы государство сможет только к началу XVII в. В свою очередь, в деятельности губных и земских органов также проявляются коррупционные издержки, что вынуждает государство как создавать дополнительные внутренние институциональные механизмы, так и возлагать антикоррупционные ожидания на новые бюрократические органы – воевод, становящихся продолжением приказной системы на местах.

Ключевые слова: право Русского государства конца XV – XVI вв., коррупция, наместничье управление, кормление, губное и земское самоуправление, воеводское управление.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Фоменко Р. В. Значение реформ 50-х годов XVI в. как институциональных мер противодействия коррупции // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-26-32>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

R. V. Fomenko

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russian Federation
E-mail: fomenkorv@yandex.ru

ROLE OF THE REFORMS OF THE 1550-IES AS INSTITUTIONAL ANTI-CORRUPTION MEASURES

Abstract: The article considers the prerequisites for the implementation, nature and significance of institutional measures to counter corruption at the local government level in Russia during the reforms of the 50-ies of the XVI century. The problems of evolutionary development or deliberated formation of new ways of combining public and private interests at the local level, interchangeability and complementarity of different forms of state administration, regional and local self-government are put. The article shows that in the search for ways to counteract abuse by vicegerent, the Central government gives wide powers to the bodies of local self-government. But the state will be able to completely abandon the vicegerent system only by the beginning of the XVII century. In turn, corruption costs were also evident in the activities of local authorities, which forces the state to create additional internal institutional mechanisms, and to impose anti-corruption expectations on new bureaucratic bodies – voivodes, which were becoming a local continuation of the prikaz system.

Key words: law of Russian state of the end of the XV – XVI centuries, corruption, vicegerent government, gubnoe and zemstvo (public) self-government, voivodes government.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Fomenko R. V. *Znachenie reform 50-kh godov XVI v. kak institutsional'nykh mer protivodeistviia korrupsii* [Role of the reforms of the 1550-ies as institutional anti-corruption measures]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-26-32> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Роман Владимирович Фоменко – кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью,

© Roman V. Fomenko – Candidate of Historical Sciences, assistant professor of the Department of Public Relations,

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Льва Толстого, 23.

Тема кандидатской диссертации: «Мексиканская политика Вудро Вильсона (1913–1917 годы)». Автор более 20 научных работ, в том числе коллективной монографии «Источники русского городского права XIII–XVIII вв.» (2016).

Область научных интересов: история русского права XV–XVII веков, история внешней политики США начала XX в.

В конце XV – начале XVI в. в условиях завершения объединения русских земель, стремительного роста территории Московского государства возникает проблема приспособления к новым условиям системы управления. Вступившая в кризис, в завершающий этап своего существования, феодально-удельная система перестает выражать более сложные публичные интересы. С максимальной полнотой это проявилось в период боярского правления 1538–1547 гг., ознаменовавшего пик кризиса в условиях ослабления великокняжеской власти, но в то же время и придавшего импульс последующим преобразованиям эпохи Ивана IV.

К середине XVI в. централизация власти и управления в тех или иных формах предстает объективно необходимым условием решения ключевых внутренних и внешнеполитических проблем страны. Однако конкретные формы протекания этих процессов и их целенаправленного регулирования, сочетание публичных и частных интересов, сложность и противоречивость этих во многом новых публичных интересов (с началами как «государства», так и «земли») и, конечно же, использованные методы, результаты и издержки становятся объектом острых идеологических и научно-исторических дискуссий современников и потомков.

Одной из острейших в данном контексте можно считать проблему осуществления институциональных мер противодействия коррупции в ходе формирования механизмов местного управления в период правления Ивана IV, эффективности и коррупционных издержек этих механизмов. Для постановки этой проблемы представляется необходимым обозначить ряд общих и конкретных вопросов, подробное рассмотрение которых, конечно же не может являться целью данной статьи.

1. Каким образом эволюционировало местное управление в первой половине XVI в., к моменту начала реформ Ивана Грозного? Какие факторы определяли его развитие и в каком направлении?

2. Какое влияние на становление системы местного управления оказали трансформация центрального управления, особенности политического и социально-экономического развития страны, изменение расстановки сил общественных классов?

3. Были наместничье управление и кормления изначально вынужденными временными механизмами или неудачным нововведением в условиях перехода от удельной системы к объединенному государству и централизации управления?

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, 23, Leo Tolstoy Street, Samara, 443010, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Mexican Policy of Woodrow Wilson (1913–1917)». Author of 20 scientific works, including collective monograph: «Sources of Russian urban law of XIII–XVIII centuries» (2016).

Research interests: history of Russian law of XV–XVII centuries, US foreign policy history (beginning of the XX century).

Насколько глубокое влияние оказала на систему местного управления отмена кормлений?

4. В какой мере губная и земская реформы способствовали развитию на местах автономно-инициативных начал, местного самоуправления? Как сочетались воля государственной власти и инициативность местных миров в реализации этих начал?

5. Обоснованно говорить о взаимозаменяемости или же в большей степени взаимодополняемости государственного управления на местах и местного самоуправления в различных формах?

6. Насколько устойчивым оказался феодальный правовой партикуляризм, были реформы Ивана Грозного нацелены только лишь на его преодоление или в определенной мере на учет? Какое влияние на территориальные особенности местного управления оказало стремительное расширение территории государства, включение в его состав новых разнородных частей?

7. При каких условиях зарождалась новая, перспективная в будущем форма местного управления – воеводское управление? Насколько его появление было следствием решения частных управленческих задач в условиях военного присоединения новых территорий или оно изначально стало отражением развития приказной системы на местах?

8. Какой характер носили и насколько существенными были коррупционные издержки местного управления? В какой мере они осознавались верховной властью? Насколько эффективные способы противодействия коррупции были созданы?

9. Насколько глубоким было понимание актуальных проблем коррупции самими реформаторами? Насколько целенаправленно они стремились реализовать институциональные возможности преобразований либо же решали конкретно-инструментальные задачи? Как на осуществление реформ повлияли личностные качества царя и его окружения в условиях как совпадения, так и столкновения интересов, ценностей и установок?

10. Удалось ли в ходе реформ сформировать эффективные институциональные механизмы местного управления в контексте противодействия коррупции? Насколько они оказались устойчивыми и перспективными?

На рубеже XV–XVI вв. в условиях территориального расширения Русского государства и ликвидации удельного правления, начала централизации великокняжеская власть сталкивается с необходимо-

стью построения новых форм местного управления, позволяющих реализовать общегосударственные фискальные и административно-судебные интересы. Первой такой формой становится система наместничества и кормлений. Уже в Белозерской уставной грамоте 1488 г. содержатся свидетельства первых попыток верховной власти институционализировать кормления и деятельность наместника на уровне отдельной местности. Грамота регламентирует порядок предоставления кормов и уплаты пошлин, их размеры, устанавливает структуру и численность аппарата наместника. Устанавливается и противовес власти наместника со стороны местной общины – участие в судебном процессе сотского и «добрых людей» [1, с. 192–195].

Еще более детально такие механизмы отражены в Судебнике 1497 г. (ст. 38, 65) [1, с. 59, 62]. Самое главное – Судебник впервые устанавливает правовые основания местного управления в общегосударственном масштабе. В связи с быстрым угасанием удельной системы наместничество и кормления стремительно приобретают на территории Русского государства универсальный характер. Но насколько глубоко институционализированной оказалась новая система местного управления, насколько полно она выполняла свои функции? Для начала остановимся на этих функциях. Одной из основных функций кормлений изначально стало вознаграждение за службу служилой аристократии, то есть важную, если не преобладающую, роль в его формировании играла необходимость удовлетворения частных интересов кормленщиков. Очевидно, это создавало препятствия для полноценной бюрократизации управления. Как отмечает А. А. Зимин, исполнение наместником и волостелем своих обязанностей было лишь эпизодом их служилой деятельности [2, с. 436].

С точки зрения реализации публичных интересов наместничество изначально имело ряд очевидных существенных недостатков. Во-первых, сама верховная власть жаловала кормлением как наградой. И в данном контексте не столь важно, в какой мере эта награда давалась за прошлые (преимущественно военные) заслуги либо же обуславливалась местническими соображениями. В любом случае кормленщики сами должны были выстраивать аппарат управления, организовывать его работу, пусть и в пределах, очерченных законодательством. Им надлежало самим изыскивать материальные ресурсы, предпринимать организационные усилия для осуществления управления и суда, и все это изначально и с ведома верховной власти определялось частным интересом. Объективно заинтересованность кормленщиков в кормах и судебных пошлинах в явно недостаточной мере сочеталась с обеспечением публичного интереса поддержания правопорядка и справедливого суда. Как отметил Н. Е. Носов, наместники были более заинтересованы не «в бездоходном порядке, а в доходном беспорядке» [3, с. 336–337]. Не случайно в последующей традиции не отдельные пороки, а кормления сами по себе часто рассматривались как проявление коррупции.

Верховная власть не могла изначально не принимать недостатков кормлений, но была вынуждена мириться с ними в условиях распада удельной системы и отсутствия заменяющих ее готовых институциональных механизмов как центрального, так и местного управления, а также при необходимости удовлетворять частные интересы служилой знати. При этом на местах начинали создаваться или использовались уже имеющиеся, противовесы: городские приказчики, старосты, «лучшие люди». Так, в конце своего правления Василий III повелел избрать в Новгороде 48 целовальников («лучших людей»), чтобы каждый месяц четверо из них участвовали в суде с тиунами наместника. К двум новгородским наместникам же в качестве контрольной инстанции был приставлен «купецкий староста», причем летопись прямо и бесхитростно называет мотивы данной меры – «судили по мзде» [4, с. 17]. Выражающие интересы местных миров, пусть даже в формирующейся общекорпоративной окраске (дворянской, посадской), эти меры и механизмы были призваны минимизировать негативные черты наместничества, способствовать согласованию разнородных частных интересов с интересами публичными.

И все же в какой степени удалось достичь этих целей? По мнению В. А. Аракчеева, даже к середине XVI в. государственный строй Русского государства сохранял архаичность и не позволял обеспечить институциональную связь с населением. Отсутствие такой связи и должны были обеспечить обширные полномочия кормленщиков. «Власть наместников с боярским судом в миниатюре копировала власть государя, усвоив такое ее важное качество, как синкретичность – слитность, нерасчлененность административных, судебных и фискальных полномочий» [5, с. 17]. Будучи слабо институционализированным механизмом, «в толщу тяглых миров» власть наместника не проникала. Бросается в глаза и партикулярный характер контрольных и компенсаторных мер, их связь с конкретными общинами.

Наместничество и кормления, таким образом, оказались вынужденной заменой удельного управления. С 30–40-х гг. XVI в. в источниках начинается резкое обличение пороков новой системы местного управления как влекущих самые негативные последствия в масштабах всей страны. Вот насколько драматично описывает проблему Никоновский летописец: «Многие грады и волости пусты учинили наместники и волостели, из многих лет, презрев страх Божий и государьские уставы и много злокозненных дел на них учиниша; не быша им пастыри и учителя, а сотворишася им гонители и разорители. Также тех градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их людем: и как едут с кормленей, и мужики многими иски отыскивают, и много в том кровопролития и осквернения душам содеяша, и многие наместники и волостели и старого своего стяжания избышка, животов и вотчин» [6, с. 267].

С 50-х гг. рупором обличительной оценки местничества становится сама верховная власть. Судебник 1550 г. ограничивал власть наместников устанавливая на общегосударственном уровне более жесткий и конкретизированный контроль управления и суда со стороны выборных старост и целовальников, представителей местных миров. В том числе предусматривалось ведение делопроизводства земским дьяком [1, с. 109–113]. В качестве одной из мишеней Ивана IV кормленщики предстают в царских вопросах к Стоглавому собору [7, с. 37]. В 1556 г. провозглашается торжественная отмена кормлений [8, с. 37–38].

В сочетании с завершающей стадией губной и земской реформ отмена кормлений часто по умолчанию рассматривается как единовременный решительный акт, ведущий к ликвидации местничества и замене его местным самоуправлением во всех сферах деятельности. Однако при более детальном внимании становится очевидно, что это было совершенно не так. Действительно, хотя провозглашение отмены кормлений и создание губных и земских органов должны были привести к отмене наместнической системы, возникают вопросы: 1) Чем была мотивирована и насколько решительно была настроена верховная власть в реализации этих намерений? 2) В какой степени и насколько быстро эти намерения удалось воплотить? 3) Наконец, насколько действенными оказались данные институциональные меры с точки зрения противодействия коррупции?

А. А. Зимин и Р. Г. Скрынников обратили внимание на то, что Приговор о кормлениях дошел до нас в пафосной литературно-публицистической обработке, предположительно со стороны А. Адашева. Зимин даже поставил вопрос о самом существовании Приговора как юридического акта [2, с. 426–427; 9, с. 57–58]. На самом деле, власть и до эпохи Ивана Грозного использовала торжественные, подчас гиперболизированные формулировки (в том числе антикоррупционной направленности), прямо обличая местничество в правовых актах, например губных грамотах [10, с. 164]. Очевидно, реформаторы середины XVI в. все же стремились коренным образом усовершенствовать местное управление, однако ликвидация местничества никогда не была самоцелью и не определялась одними лишь антикоррупционными соображениями. Известно, что в некоторых частях государства (например, в псковских пригородах) местничество и кормления восстанавливались уже после их ликвидации еще при Иване Грозном [2, с. 434, 11, с. 263]. Исследователи находят кормленные грамоты, датированные концом XVI в. [5, с. 17]. Сохранение наместничьего управления прямо подтверждают Судебник 1589 г. и Сводный Судебник 1606–1607 гг. Здесь, очевидно, отражается завершающий этап существования этого института – содержатся требования выборности старост и целовальников, где «наперед сего» их еще не было [7, с. 135, 192–193]. Суд волостеля с тиуном еще упоминается как действующий орган

в уставной грамоте Устюжне Железнопольской 1614 г. [12, с. 12]. Во многих городах и уездах – не только приграничных, но и в Центральной России, – местничество просуществовало вплоть до его трансформации в начале XVII в. в воеводское управление.

Чем можно объяснить столь длительное существование «прогнившего» еще до прихода к власти Ивана Грозного института кормлений даже после его «отмены»? Несмотря на официальные декларации, губная и земская реформы, как уже говорилось, были вызваны отнюдь не только стремлениями верховной власти преодолеть злоупотребления, присущие системе кормлений. В них, как известно, проявились динамично и противоречиво меняющиеся сословно-классовые отношения, отразившие усиление роли дворянства и посадской верхушки, но все же при сохранении значительного влияния феодальной аристократии. Выразилось и стремление верховной власти обеспечить доступными способами централизацию в условиях пока еще не сформированной бюрократической «вертикали власти». Отразились, конечно же, растущие фискальные аппетиты государства. Но в контексте темы данного исследования остановимся на вопросе: насколько оправдала себя декларируемая антикоррупционная направленность реформ?

Намереваясь создать на общегосударственном уровне губные и земские учреждения, верховная власть, очевидно, исходила из посылки, что эта мера сама по себе должна была способствовать снижению злоупотреблений местной власти, ведь выборные, как казалось, изнутри представляли свои собственные миры и их интересы в противоположность назначаемым извне кормленщикам. При этом чуть ли не по умолчанию предполагалось, что эти самые местные интересы будут сочетаться с интересами верховной власти, которой «всего-то» надо обеспечить приемлемый правопорядок, фискальные интересы государства и классовую эксплуатацию при сохранении социального мира. Подобные умозаключения на первый взгляд имели свою логику и неоднократно воспроизводились реформаторами и более поздних эпох. Но в том-то и дело, что интересы местных миров, во-первых, не совпадали автоматически с интересами общегосударственными: чтобы хотя бы отчасти достичь данной цели, государству еще требовалось приложить немалые усилия. Во-вторых, крайне неоднородными были сами местные интересы, представляемые губными и земскими органами. Как уже отмечалось, они отражали сложную и противоречивую картину сословно-классовых изменений. Наконец, какие бы корпоративные интересы ни представляли новые учреждения (отражая рост влияния дворянства или же еще более широких слоев – верхушки посада и черносошного крестьянства), объективно возрастало влияние и частных корыстных интересов новых носителей власти, то есть, будучи призваны противодействовать коррупции, губные и земские органы сами не могли быть свободны от коррупционных издержек.

Эти издержки раскрывались не сразу. Источники свидетельствуют, что на этапе становления губных органов выборные могли тяготиться исполнением своих обязанностей. Приговор о разбойных делах 1555 г. говорит о губных старостах, которые отказываются целовать крест «и дел не делают», вводя в качестве наказания за проступок помещение в тюрьму «на время» [8, с. 34]. Очевидно, отсутствие официального вознаграждения со стороны государства в сочетании с высокой ответственностью не делали изначально должность губного старосты безусловно привлекательной. И все же как под влиянием борьбы самих общин против злоупотреблений кормленщиков, так и в результате энергичных институциональных мер государства новые губные и земские учреждения укоренялись – и в своих функциях, и в своих дисфункциях. Верховная власть была вынуждена искать способы противодействия коррупции теперь уже в отношении вновь создаваемых органов местного самоуправления.

Первыми из таких способов ожидаемо становились карательные меры. Внимание исследователей привлекла жесткость формулировок законодателя, угрожавшего земским «выборным головам» смертной казнь за широкий перечень преступлений – за взятку, «силы, обиды и продажи», за нарушение процессуальных правил обыска и суда, за укрывательство «лихих людей» местным населением. По замечанию Н. Е. Носова, кормленщикам верховная власть никогда так не угрожала [3, с. 304]. Однако, как бывает в подобных ситуациях, одними лишь репрессивными мерами государство не могло решить сложившуюся проблему. Таким образом, едва создав новые управленческие институты, направленные на повышение эффективности местного управления, власть была вынуждена искать дополнительные институциональные способы контроля этих институтов.

Одним из таких способов стало еще большее расширение принципа коллегиальности в деятельности губных органов – вплоть до реализации принципа круговой ответственности: «Розбойные и татинные дела делать по сему списку, съехався в одно место... с выти по человеку» [13, с. 302]. Представители с мест должны под страхом наказания должны были сами предоставить информацию о «лихих людях», а соседи преступника могли привлекаться к материальной ответственности за сам факт пребывания по соседству [11, с. 279]. Очевидно, вводя взаимный контроль старост и общин, государство решало более широкие задачи – стремилось привлечь население к поддержанию более устойчивого правопорядка. Но очевиден и антикоррупционный аспект этих мер – создание дополнительного механизма, обеспечивающего деятельность губных органов в нужном направлении.

Другой мерой институционального характера было введение двух губных старост на одной подведомственной территории. Двойное назначение встречалась и прежде, с двумя заместителями в од-

ном уезде, но если прежде это объяснялось значительной судебной загруженностью кормленщиков и не было общим правилом, то двойное назначение губных старост стало повсеместной практикой. Тем самым подрывался принцип единоначалия, и делалось, это, видимо, преимущественно с антикоррупционной целью: «А меж себя старостам и целовалником друг на другом того смотреть, чтоб посулов и поминков однолично никто ни у кого не имал. А который староста и целовалник учнет посулы имать в розбойных и татинных делах и им на того сказати царю великому князю или его бояром, которым приказаны розбойные дела» [13, с. 305].

Наконец, институциональным дополнением, а постепенно и противовесом органам местного самоуправления становятся воеводы. Как замечает А. А. Зимин, уже в 30-е годы XVI в. в связи с осложнением внешнеполитического положения правительство почти ежегодно отправляло воевод в южные и западные приграничные города. Хотя они и выступали в качестве военных руководителей, но назначались часто из заместителей на местах и, соответственно, осуществляли одновременно судебно-административные функции [2, с. 191–192]. В качестве собственно администраторов воеводы фигурируют с 50-х годов XVI в. – не в результате специальных реформ, а в процессе освоения вновь покоренных территорий Среднего и Нижнего Поволжья. Управление и освоение нового края долгое время требовало чрезвычайных мер [14, с. 3–4, 38]. Имеющиеся институты – местничье управление, губное и земское самоуправление, – были практически не реализуемы на территории с несмирившимся иноконфессиональным иноэтничным населением, со слабо интегрированными местными общинами, с еще не сформированным служилым землевладением. В таких условиях центральная власть оказалась перед необходимостью создания оперативного управленческого института, который мог быть встроен в формирующуюся приказную бюрократическую систему.

В начале XVII в. воеводское управление получает общегосударственное распространение, окончательно сменив местничество и вступив в оперативное взаимодействие с органами местного самоуправления, в первую очередь усилившимися и укоренившимися к тому моменту губными органами. В отношении последних воеводы и выступают в качестве противовеса, в том числе антикоррупционного. Как показал Е. С. Бутрин на примере Шуи 10–20-х годов XVII в., в некоторых ситуациях воеводы предстают как защитники местных общин от произвола и поборов губных старост [15, с. 24–25]. Примечательно, что в последующие десятилетия, очевидно, более типичной становится обратная ситуация – когда общины, по крайней мере посадские и купеческие верхи, воспринимают губных старост как часть надлежавшей «пошлины», а воевод – как внешние источники злоупотреблений [16, с. 584].

В первой половине XVI в. Русское государство сталкивается с необходимостью полномасштаб-

ной трансформации системы местного управления. Удовлетворяя частные интересы кормленщиков, великокняжеская власть рассчитывала на то, что в отличие от удельных князей они смогут стать проводниками централизации на местах. К середине XVI в. верховная власть не только сама признает системные злоупотребления наместников и волостелей, неэффективность кормлений, но и провозглашает их отмену. Хотя наместничье управление просуществует еще до начала XVII в., с середины XVI в. в дополнение и на смену ему приходит губное и земское самоуправление. В том числе местное самоуправление предстает как институциональный механизм противодействия злоупотреблениям наместничества. Но и новые институты изначально оказались несвободны от коррупционных издержек, что привело центральную власть к необходимости предпринимать дополнительные меры, в том числе институционального характера: расширять принципы коллегиальности в их деятельности, вводить двух губных старост на одной подведомственной территории. Наконец, по мере возрастания роли воевод на местах, расширения их полномочий в сочетании с развитием приказной системы роль антикоррупционного противовеса органам самоуправления начинает выполнять воеводское управление. Таким образом, в ходе осуществления реформ 50-х годов XVI в. и в дальнейшем мы видим динамичную противоречивую картину формирования институциональных мер, способствовавших усложнению системы местного управления и выведению проблемы коррупции в ходе борьбы с ней на более сложный уровень.

Библиографический список

1. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 2. Москва, 1984. 520 с. URL: https://eknigi.org/gumanitarnye_nauki/77468-rossijskoe-zakonodatelstvo-x-xx-vekov-v-9-t-t-2.html.
2. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: очерки социально-экономической и политической истории России в XVI в. Москва, 1960. 511 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=215975&p=1>.
3. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания по земской реформе Ивана Грозного. Ленинград, 1969. 606 с. URL: <https://booksee.org/book/722264>.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1. Львовская летопись. Москва, 1910. 418 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/437926>.
5. Аракчеев В. А. Наместники в России XVI века // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 3–19. URL: https://docplayer.ru/26207158-Namestniki-v-rossii-xvi-veka.html#show_full_text.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). Москва, 2000. 728 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/678287>.
7. Памятники российского права: в 35 т. Т. III. Кн. II. Москва, 2014. 487 с.

8. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. / под ред. Н. Е. Носова. Ленинград, 1986. 262 с. URL: <http://moscowstate.ru/nosov-n-e-otv-red-zakonodatelnye-akty-russkogo-gosudarstva-vtoroj-poloviny-xvi-pervoj-poloviny-xvii-veka-v-2-h-chastyah/>.

9. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. Москва, 1983. 243 с. URL: http://militera.lib.ru/bio/skrynnikov_rg/index.html.

10. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1836. Т. III. 491 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3032/9538>.

11. Бовыкин В. В. Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного: Очерки по истории местного самоуправления в XVI в. Санкт-Петербург, 2014. 432 с. URL: <http://moscowstate.ru/bovykin-v-v-russkaya-zemlya-i-gosudarstvo-v-epohu-ivana-groznogo-ocherki-po-istorii-mestnogo-samoupravleniya-v-xvi-v>.

12. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1836. Т. III. 496 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3032/9538/>.

13. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. IV / сост. А. В. Антонов. Москва, 2008. 632 с. URL: <http://moscowstate.ru/antonov-a-v-baranov-k-v-sost-akty-služihlyh-zemlevladel'tsev-xv-nachala-xvii-veka-tom-1-4/>.

14. Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление казанским краем). Казань, 1982. 224 с. URL: <http://moscowstate.ru/ermolaev-i-p-srednee-povolzhe-vo-vtoroj-polovine-xvi-xvii-vv-upravlenie-kazanskim-kraem/>.

15. Бутрин Е. С. Губная и воеводская администрация в Шуе XVII в.: эволюция судебных и административных полномочий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 24–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30000070>.

16. Памятники русского права: в 8 выпусках. Москва, 1959. Вып. V. 667 с. URL: <https://eknigi.org/istorija/124161-pamyatniki-russkogo-prava-8-vypuskov.html>.

References

1. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X – XX vv.: v 9 t. T. 2* [Russian legislation of the X – XX centuries: in 9 vols. Vol. 2]. Moscow, 1984, 520 p. Available at: https://eknigi.org/gumanitarnye_nauki/77468-rossijskoe-zakonodatelstvo-x-xx-vekov-v-9-t-t-2.html [in Russian].
2. Zimin A. A. *Reformy Ivana Groznogo: ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii v XVI v.* [Reforms of Ivan the Terrible: essays on the socio-economic and political history of Russia in the XVI century]. Moscow, 1960, 511 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=215975&p=1> [in Russian].
3. Nosov N. E. *Stanovlenie soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii v Rossii. Izyskaniia po zemskoi reforme Ivana Groznogo* [Formation of estate-representative institutions in Russia. Survey on the Zemstvo reform of Ivan the Terrible]. Leningrad, 1969, 606 p. Available at: <https://booksee.org/book/722264> [in Russian].
4. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 20. Ch. 1. L'vovskaia letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 20. Part 1. Lvov Chronicle]. Moscow, 1910, 418 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/437926> [in Russian].

5. Arakcheev V. A. *Namestniki v Rossii XVI veka* [Vicegerents in Russia of the XVI century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2010, no. 1, pp. 3–19. Available at: https://docplayer.ru/26207158-Namestniki-v-rossii-xvi-veka.html#show_full_text [in Russian].
6. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 13: Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'iu (Prodolzhenie)* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 13: Annalistic collection, called the Patriarch or Nikon Chronicle (Continued)]. Moscow, 2000, 728 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/678287> [in Russian].
7. *Pamiatniki rossiiskogo prava: v 35 t. T. III. Kn. II* [Monuments of Russian law: in 35 vols. Vol. III. Book. II]. Moscow, 2014, 487 p. [in Russian].
8. *Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroi poloviny XVI – pervoi poloviny XVII v. Pod red. N. E. Nosova* [Nosov N. E. (Ed.) Legislative acts of the Russian state of the second half of the XVI – the first half of the XVII century]. Leningrad, 1986, 262 p. Available at: <http://moscowstate.ru/nosov-n-e-otv-red-zakonodatelnye-akty-russkogo-gosudarstva-vtoroj-poloviny-xvi-pervoj-poloviny-xvii-veka-v-2-h-chastyah/> [in Russian].
9. Skrynnikov R. G. *Ivan Groznyi* [Ivan the Terrible]. Moscow, 1983, 243 p. Available at: http://militera.lib.ru/bio/skrynnikov_rg/index.html [in Russian].
10. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiei Imperatorskoi akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1836, vol. III, 491 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3032/9538> [in Russian].
11. Bovykin V. V. *Russkaia zemlia i gosudarstvo v epokhu Ivana Groznogo: Ocherki po istorii mestnogo samoupravleniia v XVI v.* [Russian land and state in the era of Ivan the Terrible: Essays on the history of local government in the XVI century]. Saint Petersburg, 2014, 432 p. Available at: <http://moscowstate.ru/bovykin-v-v-russkaya-zemlya-i-gosudarstvo-v-epokhu-ivana-groznogo-ocherki-po-istorii-mestnogo-samoupravleniya-v-xvi-v> [in Russian].
12. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiei Imperatorskoi akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1836, vol. III, 491 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3032/9538> [in Russian].
13. *Akty sluzhilykh zemleladel'tsev XV – nachala XVII v. T. IV. Sost. A. V. Antonov* [Antonov A. V. (Ed.) Acts of service class of landowners of the XV – beginning of the XVII century]. Moscow, 2008, 632 p. Available at: <http://moscowstate.ru/antonov-a-v-baranov-k-v-sost-akty-sluzhilyh-zemleladel'tsev-xv-nachala-xvii-veka-tom-1-4> [in Russian].
14. Ermolaev I. P. *Srednee Povolzh'e vo vtoroi polovine XVI – XVII vv. (Upravlenie kazanskim kraem)* [Middle Volga region in the second half of the XVI – XVII centuries. (Management of the Kazan region)]. Kazan, 1982, 224 p. Available at: <http://moscowstate.ru/ermolaev-i-p-srednee-povolzhe-vo-vtoroj-polovine-xvi-xvii-vv-upravlenie-kazanskim-kraem/> [in Russian].
15. Butrin E. S. *Gubnaia i vovodskaia administratsiia v Shue XVII v.: evoliutsiia sudebnykh i administrativnykh polnomochii* [The local magistrate and the vovoda in the 17th century town of Shuya: evolution of judicial and administrative powers]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2017, no. 2, pp. 24–31. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30000070> [in Russian].
16. *Pamiatniki russkogo prava: v 8 vyp.* [Monuments of Russian law: in 8 issues]. Moscow, 1959, Issue V, 667 p. Available at: <https://eknigi.org/istorija/124161-pamyatniki-russkogo-prava-8-vypuskov.html> [in Russian].